

Лжепророк Мансур

Лжепророк Мансур, волновавший Кавказ с 1785 до 1791 г., досель, сколько мне известно, не представлен в настоящем его значении. Некоторые из наших писателей переименовали место его рождения и самое его происхождение; другие изобразили его героем Востока и дали ему место в своем романе. Конечно, жизнь этого человека замечательна фанатизмом и суеверием: для романа этого достаточно, но не для истины.

Воспользовавшись записками Петра Григорьевича Буткова, который, в долговременное служение его при главных начальниках кавказского края, собрал о Мансуре сведения из верных источников и составил о нем описание еще в 1806 году, я имел возможность изложить события в том виде, как они происходили.

А. Терещенко

В 1806 году историк и государственный деятель П. Г. Бутков составил «Известие о бывшем в Кавказских горах лжепророке Мансуре», которого он сам видел после пленения в Анапе 22 июня 1791 года, для докладчика при государе Николая Николаевича Новосильцева. Позднее, в 1856 г., написанная Бутковым работа о шейхе Мансуре была опубликована за подписью А. Терещенко. (Прим. М. Абдулаев)

Учерман, переименованный русскими в Ушурму, а сам впоследствии присвоивший себе имя Мансура, родился около 1760 г. в Алды, в одном из главных селений Чечни.¹ Будучи сыном бедных родителей, он не мог получить никакого образования и в молодости своей пас по найму скот. Потом, по обычаю соплеменников, занялся хищничеством. Одаренный природою гибким и проницательным умом, он умел вкрадываться в доверенность других. Воспламененный бедностью и честолюбием, Ушурма задумал выйти из круга обыкновенных людей и, для достижения этой цели, избрал обычное на Востоке средство: возбудить в невежественных, но беспокойных соотчиках фанатизм магометанского вероисповедания, ослабевший в его время. Утвердившись в своей идее и сообразив средства к перевороту, Ушурма на 25 году жизни провозгласил себя, в феврале 1785 г., имамом² и начал волновать умы народа пророчествами о себе и об истреблении христиан.

Чеченцы разно говорят о средствах, предпринятых Ушурмою к возбуждению их фанатизма. По рассказам одних, ночью привиделось ему во сне, что он упал с неба и в то же время закричал:

«Аллах!». Поутру Ушурма объявил братьям своим, что он в тот день умрет, но просил не погребать его до другого утра, потому что через сутки он должен воскреснуть. Искусно прикинувшись мертвым, он пролежал без движения целый день, а потом восстал — к благоговейному удивлению окружавших его. По сказанию других, Ушурма видел во сне, что два человека въехали к нему во двор верхом и звали его, и он вышел к ним. Незнакомцы, после приветствия: *ассалам алейкум имам*, т. е. мир тебе, имам, сказали ему: «По [16] велению Аллаха, пророк Магомет послал нас объявить, что на тебя возлагается обязанность вновь утвердить в Коране народы, ослабевшие в вере и впавшие в заблуждение». — Ушурма отвечал им:

«Народ не послушает меня и не поверит этому повелению». — «Не бойся, — возразили они, — Аллах поможет тебе и народ уверует в слова твои». — По преданию, наиболее распространенному в Чечне, Ушурма, пасши скот в поле, уснул днем и видел в сновидении Магомета, который приказал ему провозгласить себя имамом, укоренить в народ ислам и возвестить скорую кончину мира.

Новый имам, после трехдневной молитвы в доме своем, объявил со слезами на глазах своим родственникам, что, по безверию, закоренелая наклонность к грабежам и убийствам губит чеченцев в этом мире и уготовляет осуждение их в будущей жизни; что он, по данному ему от Бога повелению, может отвратить это бедствие

исправлением их пороков и научением истинному закону. Родственники просили его удержаться от замыслов, представляя, что если не поверят ему, тогда им будет стыдно за него. Ушурма презрел убеждения и, склонив на свою сторону трех чеченских хаджи,³ послал одного из них, хаджи Бутыка, с письмом о своем сновидении, к мекским ученым. Весною 1786 г. он получил ответ о признании его имамом и, вместе с тем, предписание к кавказским народам почитать Ушурму за действительного имама и повиноваться ему во всем. Другой хаджи, Умар или Омар, был главным помощником его во всех волнениях, возбужденных им впоследствии на Кавказе.

Честолюбивый Ушурма горел нетерпением скорее начать свои действия, и лишь только весть о явлении нового имама и сновидениях его проникла в соседние чеченские жилища, он тотчас созвал народ на богослужение. Сечение народа было великое. Ушурма, по совершении моления, произнес речь, в которой увещевал строго соблюдать заповеди. Возвратившись домой в сопровождении восторженных слушателей, он приказал зарезать двух баранов и мясо их разделил между ними. В следующий день, из бывших у него только двух волов, обвел одного около кладбища три раза и убил его: половину отдал бедным, а половину малолетним, учившимся в школе. С того времени многие, признав его имамом, начали приводить к нему скот, для раздачи в милостыню и для собственного его употребления. На третий день он сшил себе платье турецкого покроя, из разноцветных шелковых и бумажных лоскутков, доставленных ему приверженцами. Он признал нужным, чтобы несколько человек были одеты подобно ему, чтобы христиане не могли узнать его, и тотчас 20 чеченцев исполнили его волю. [17] Скрываясь от людей и подражая во всем Магомету, для большего эффекта и таинственности, Ушурма не иначе показывался народу, как под покрывалом. В то же время он устроил для себя особенное знамя. Для безопасности от неожиданных нападений Ушурма содержал из преданных ему людей стражу в доме своем: у ворот было 20, на дворе 15 и в сенях 15 человек; кроме того, жители селения Алды оберегали путь, ведущий к русской границе. Ушурма еще далее простер подражание Магомету. Будучи одержим падучею болезнью, которая у магометан почитается признаком вдохновения, он часто ослабевал притворно и впадал, более по ночам, в болезненное состояние среди своих слушателей, которые относили его в другую комнату, где, представляясь полумертвым часа по три, являлся потом к поклонникам своим с пророческими созерцаниями.

Учение Ушурмы содержало следующие правила: *соблюдать строго заповеди Магомета, раздавать милостыню, не красть, не грабить, не прелюбодействовать, не пьянствовать.*

Воровство и грабежи считаются у магометан преступными только между своими. По Корану, глава 2 и 5, запрещено пить вино вообще, а по толкованию казуистов запрещены одни крепкие и хмельные напитки.

Не путешествовать в Мекку, а приходить к чему.

Посещавшим его давал он имя хаджи, присваиваемое только тем, кто ходил в Мекку, не уничтожая тем постановления Магомета, но указывая на опасности путешествия через линии русской стражи; ибо в Коране, глава 2, сказано: «совершайте путешествие в Мекку и молитесь там Богу; но если будете в осаде — посылайте жертвоприношение по вашим средствам».

Всем магометанам быть в единомыслии и предать забвению мщение за кровь.

По Корану, глава 2 и 17, хотя позволено мщение за кровь и за все обиды, однако в главе 42 советуется прощать их; там сказано: «прощающий и примиряющийся со своим врагом будет вознагражден от Бога». — Ушурма, желая поселить в последователях его согласие и прекратить взаимное мщение, склонил свою мать и родственников на примирение с убившим одного из их родственников. Этому примеру последовали многие, и, чтобы ознаменовать это примирение торжеством, он выстрелил из ружья на воздух при многочисленном собрании народа.

Ушурме оставалось преодолеть одно еще затруднение: народ неотступно требовал от него чуда. Лжепророк долго колебался, наконец сказал: «Чрез несколько дней будет глас с неба. Принявшие мое учение возрадуются возвещению о мне; неверовавшие [18] поразятся скорбью и расстройством ума и не прежде будут прощены мною, как по сердечном их раскаянии». Вскоре, по необыкновенному для него счастью, последовало сильное землетрясение, которое народ принял за следствие предсказания, внушенного ему Богом. Это обстоятельство утвердило за ним и власть над умами народа и имя пророка.⁴

До этого события, эффенди⁵ и муллы не раз спрашивали Ушурму о степени, в которой должно признавать его, и он отвечал им: «Я ни святой, ни пророк, но мне поведено от Бога утверждать народ в законе Его». Так точно поступал и Магомет, говоря о себе, что он простой человек, посланный от Бога проповедывать. Но когда духовные стали слишком часто обременять Ушурму вопросами о цели его, то он принужден был открыть цель своих предприятий двум преданным его кадиям, которые, для успокоения и поддержания его, объявляли всем, что если Ушурма обнаружит тайну своего посланчества, то смерть поразит его.

Ушурма подозревал духовенство в противодействии его видам и однажды отказал даже в ночлеге муллам, приехавшим к нему, вопреки гостеприимству, свято уважаемому чеченцами. Он имел причины не благоволить к духовным лицам, зачастую обличавшим его в непонимании и плохом знании Корана.

Такие преграды встречал он до землетрясения, которое неожиданно возвысило его в глазах народа и дало ему отвагу к предприятиям самым дерзким. Говоря прежде неопределенно о принятом им звании, Ушурма вдруг начал доказывать, что он истинный имам, ссылаясь на обрядную магометанскую книгу и объясняя ее так: «Есть книга магометанская, называемая Зогра́т.⁶ В ней написано ясно, в которое время явится имам Мансур. Об этом читается, по воле Божьей, в молитвах наших. Теперь исполнилось пророчество: я — предвозвещенный Мансур имам. Кто мне не поверит, тот беззаконник и будет проклят. Помните, этот мир есть преходящий и мне, Мансуре, предоставлено судьбою быть наставником в правилах Корана и указать надежный путь к будущему блаженству. Если Бог возлюбит кого из рабов Своих, того осенит Он благодатию Своею. Промыслом и помощью Господа Всемоущего Мансур ввергнет беззаконников в ров погибели. Бог милостив. Наставник заповедей Его терпелив, а дела терпеливых всегда увенчиваются успехами».

Вслед за тем Ушурма, приняв имя имама Мансура, начал возбуждать умы своих приверженцев к войне с русскими. «Волею Божиею, — говорил он, — предстоит нам идти для обращения народов в закон магометанский, сначала к карабулакам и ингушам,⁷ [19] потом в Кабарду и наконец в русские пределы, для истребления христиан. Как скоро наступит к тому время, я поставлю мое знамя и палатку на Чеченской поляне⁸. Сколь ни обширна поляна, но едва вместит она то многочисленное войско, которое соберется туда ко мне. Я устрою из него стражу на девяти разных местах, по 10000 человек в каждом. Всякий должен иметь с собою небольшой медный кувшин, чтобы в пути, по земле русской, черпать им воду из рек, которые оттого пересохнут, а зачерпнувшему достанет воды для него и лошади его на целый месяц. Когда предстанет случай сразиться, тогда каждый из вас получит от меня по небольшому ножу, который при взмахе против христиан будет удлиняться и жестоко колоть и рубить неверных; но против магометан он скроется в своих ножнах. Ни ружья, ни пушки христианские не возмогут вредить нам и обратятся своими жерлами на них самих. Не имеющие лошадей последуют за нами сначала пешими, и на первом же переходе встретят трех белых оседланных лошадей.⁹ Пешие обрадуются им, устремятся на них, и каждый, поймавший, будет сидеть на своей лошади. По достижении вершин реки Кумы, мы обратим тамошний народ в свой закон и затем повстречаемся с многочисленным войском, идущим к нам на помощь из Стамбула. Неверующие моим словам не присоединятся к моему ополчению, да если и пожелали бы присоединиться, то это будет им невозможно. По возвращении же домой, неверующие мне будут встречены детьми, которые станут укорять их и плевать им в глаза. Этот стыд, хотя убедит их к возвращению и заставит их идти по следам нашего полчища, но они не найдут его, не найдут и жилищ своих и будут искать убежища в казачьих станицах. Между тем мы быстро пронесемся по селениям русским, которые покорятся нам беспрекословно и примут наш закон. Прежние наши однозаконники увидят свое заблуждение и обратятся на путь истины;

нераскаивающихся же, от помрачения ума, мы будем рубить пополам: тогда одна половина превратится в собаку, а другая в свинью; но ислам соединит все народы. — Потом будет услышано о рождении Даджала (Антихриста). Все народы, в смятении ужасном, побегут в Тифлис. Там, от великого стечения людей, последует голод, будут пожирать платье и тетиву от луков. Многие погибнут и немногие останутся. В то же время выйдут из земли полчища Даджала, называемые Аджиг и Маджиг, ¹⁰ многочисленные как трава, и умножат бедствие рода человеческого. Потом явится пророк Иса и убьет Даджала; легионы же Аджиг и Маджиг будут совершенно истреблены ядовитыми червями. Смерд их смоет трехдневный дождь, каждая капля которого будет величиною со сливу. Останется [20] разбросанным на земле одно оружие Даджала, и народ наш будет топить им печи триста лет. Во все это время будет царствовать пророк Иса, для блага народа, а потом наступит преставление света. Кто словам моим не верит, тот будет проклят в этой жизни и в будущей, особенно же адскому мучению подвергнутся нынешние учителя из духовенства». Эти предсказания сильно запали в душу его слушателей.

Число последователей Ушурмы умножалось час от часу. Одни были привлекаемы надеждами на благодать, другие ужасами адских мучений: те и другие попадали в сети, хитро расставленные обманщиком.

Он утвердил свое господство над умами горцев и соседних кумыкских владельцев. Из них трое лично изъявили ему, в апреле месяце, свою покорность и удостоились пожатия руки — почесть, оказываемая Ушурмою только самым уважаемым лицам; прочим позволялось только прикасаться к поле его платья. Все владельцы дагестанские отправили к нему нарочных послов, с уверением в своей преданности. Хан же Аварии Омар писал, что сам предстанет к его услугам, но Ушурма отвечал, что для своих услуг он имеет довольно людей.

Ушурма, в продолжение действий своих на Кавказе, имел сношения с дагестанскими владельцами, которые, хотя не подавали ему помощи явно, но подвластные им народы сами приходили к нему толпами. Из турецкой крепости Суджук приезжал к нему нарочный от тамошнего паши и поднес от его имени часы в подарок. Трехбунчужный ахалцихский паша Солиман, который с 1785 г., со времени признания Грузией покровительства над собою России, сильно вредил Грузии, по тайному распоряжению Порты, весьма обрадовался появлению лжеимамма, посылал к нему письма и подарки, изъявлял свою готовность помогать деньгами, советовал не спешить начинанием военных действий до удобного времени; признавал его имамом и писал к чеченцам и своим единоверцам о повиновении Ушурме. Кроме того, Ушурма вел переписку с крымцами, и в особенности с закубанцами. Последним послал он свое знамя. Это знамя привезено было близкими Ушурме людьми, скрывавшими под покрывалом лицо свое: закубанцы говорили, что таинственные посланцы на бегу быстрее лошади.

Усилившись всеми этими пособиями и связями, Ушурма все еще боялся русских; утверждают даже, что он писал к начальнику Кавказской линии о том, что вовсе не намерен возбуждать магометанские племена против России, заботясь только о вкоренении исламизма. [21]

Тогда на Кавказской линии, за отъездом в С.-Петербург генерал-поручика графа Потемкина, ¹¹ бывшего в отсутствии с декабря 1784 г. по октябрь 1785 г., командовал генерал-поручик Леонтьев. ¹² Число наших войск простиралось до 27000. Генерал Леонтьев равнодушно смотрел на волнение чеченцев и еще 13 марта 1785 г. предписал генерал-майору Пеутлингу ¹³ постараться схватить Ушурму. Пеутлинг начал придумывать средства к исполнению этого приказа.

Главнокомандующий на юге России, князь Потемкин Таврический, получив донесение о возникшем смятении в горах Кавказских, поручил начальнику Кавказской линии (26 апреля) двинуть некоторые части войска к реке Сунже. Рассчитывая, что это движение обуздает непокорных горцев, он запретил предпринимать крутые меры, зная, что подобные средства возбуждают в диком народе жажду мщения и производят мятежи. Князь советовал действовать увещаниями, разрешая прибегать к оружию только по истощении мер благоразумия.

Но, получив новое донесение, что беспокойство на Кавказе сделалось всеобщим, приказал (6 мая) отправить отряд, под начальством полковника Пиери,¹⁴ бывавшего в походах против чеченцев, с тем, чтобы он, проникнув в сборное место лжепророка, требовал от народа выдачи его; в случае же упорства употребил бы силу. Князь Потемкин весьма желал, чтобы дело было кончено без пролития крови.

В отряд Пиери вошел Астраханский пехотный полк. Кабардинский егерский батальон, две гренадерские роты Томского пехотного полка и сотня казаков терских. Перед тем был послан, вверх по р. Сунже, к стороне Владикавказа, отряд гренадеров с бригадиром Апраксиным¹⁵ (впоследствии генерал от кавалерии) для нанесения вреда беспокойным племенам. Предполагалось, что Ушурма обратит все свое внимание на Владикавказ, не ожидая нападения русских с другой стороны. Пиери соединил (4 июля) часть своего отряда за Тереком, между станицею Наурою и Калиновской. Там провел ночь и на другой день, в четыре часа пополудни отправился далее. Ему предстояло скрытно пробраться около 50 верст к селению Алды. Переход продолжался всю ночь. Близ переправы через реку Сунжу, перед входом в лес, отстоявший от селения на пять верст, был оставлен обоз под прикрытием Астраханского полка и двух гренадерских рот, команда над которыми поручена была полковнику Тамаре.¹⁶ Сам Пиери повел роты гренадеров астраханских и батальон егерский с двумя пушками к Алды, надеясь застать жителей врасплох. Дорога шла густым лесом, с частыми и крутыми поворотами, и была так узка, что только четыре [22] человека могли идти рядом. Чеченцы, не зная о переправе части отряда через Сунжу, напали на оставленный обоз, но были отбиты. Отряду, шедшему к Алды, попались навстречу три горца; два из них были убиты, а третий бежал и известил жителей о предстоящем нападении. Пиери достиг без сопротивления Алды 6 июля, в десять часов утра; предал огню дом лжепророка и все селение, состоявшее из 400 дворов. Через час послышалась ружейная пальба, происшедшая от стычки чеченцев с гренадерами томскими, которые, под начальством Тамары, проникли было до селения, но за дымом и пожаром, не увидев отряда Пиери, возвратились к своему месту с большим уроном, в то время, когда три роты гренадер грабили и жгли селение, а жители старались тушить огонь. Пиери в час пополудни предпринял обратный поход к Сунже, прежним путем, не согласясь на представление майора Комарского, командира егерского батальона, предлагавшего на открытом месте ожидать подкрепления Апраксина. Алдынцы, призвав на помощь соседей, засели в густом лесу и ждали обратного похода Пиери. Когда отряд вошел в лес, горцы с яростью бросились на него. Русские защищались мужественно, отступая шаг за шагом к своему обозу, но на половине дороги к нему был убит Пиери и многие другие офицеры. Эти потери и усталость произвели смятение в отряде и расстройство в рядах. Отличный штаб-офицер Комарский пытался восстановить порядок, но, получив тяжелую рану (от которой вскоре помер), должен был поспешить к переправе, куда в беспорядке стремились солдаты. Достигнув Сунжи, люди бросились в реку: некоторые потонули, а другие достигли обоза, который с остатками войска прибыл на свою границу под начальством Тамары.

В этом деле потеряно 630 человек и 12 офицеров¹⁷. Впоследствии, в том же году, было выкуплено из плена 163 человека и потом, в следующем году, чеченцы отдали две наши пушки, взяв за одну 100 рублей.

Разбитие нашего отряда князь Потемкин весьма справедливо отнес к вине Пиери, который пошел на чеченцев, не дождавшись подкрепления от Апраксина; сверх того, Пиери должен был, по данному ему повелению, пробираться тайно к Алды и стараться схватить лжепророка или вытребовать его от народа, и употребить оружие только в случае отказа на повиновение. Разграбление селения и сожжение его также было совершенно несвоевременно, потому что алдынцам вовсе не объяснили о причине прибытия к ним нашего отряда.

Между тем Апраксин, посланный вверх к Сунже, получил повеление от генерала Леонтьева (6 июля) приблизиться к переправе [23] алдынской, от которой находился в 20 верстах. Он тотчас отправился туда. Но участь Пиери была уже решена. Апраксин, следуя вниз по течению р. Сунжи, бился с чеченцами (7 июля) при разных деревнях их, лежащих на этом пути. Ему было воспрещено переходить на противоположный берег реки, да и сам он не решался на то, опасаясь потерь без всякой вероятности успеха. Предав огню одну

деревню и истребив до 300 дворов, он пошел 9 июля, в Малую Кабарду, потеряв одного офицера и двух рядовых.

Поражение Пиери принято было чеченцами за особенное благоволение небес к их имаму, который с тех пор возымел неограниченную власть над суеверным народом и лишал жизни преступников по собственному усмотрению.

Среди военных действий Ушурма заботился о распространении исламизма в горах и утвердил его на севере Кавказа. Он ввел, вопреки учению Магомета, обрезание; все, даже старики и женщины, до такой степени спешили исполнением этого обряда, что нередко, по неискусству производивших его, ценою жизни платили за приобретение мнимого блаженства.

Ушурма, при помощи владельцев Большой и Малой Кабарды, обратил в магометанство осетинцев тагаинского или тагаурского уезда, принявших крещение в 1774 г.; но другие осетинцы не последовали их примеру и известили о том князя Потемкина. Лжепророк старался обратить также идолопоклоннический народ ингуши, который по этому случаю отправил нарочных с вопросом к подполковнику Матцену, стоявшему с отрядом у Владикавказа: «Будут ли они блаженны, совершив обрезание?» Матцен отвечал: «Если бы от обрезания могло произойти какое-либо чудо, то я первый бы принял его!» Ингуши отвергли исламизм и остались в язычестве.

Ушурма, упоенный победою, через несколько дней повел к Кизляру свое ополчение, в котором находились и кумыки, в числе 9000; но он был отражен и возвратился в Алды. Подробности его отступления неизвестны; известно только то, что князь Потемкин винил начальство Кавказской линии за упущение случая к конечному истреблению Ушурмы.

Ушурма недолго оставался спокойным. Присоединив к себе жителей Малой Кабарды, он осадил в июле 1785 г. Григориополисский редут, ¹⁸ охраняемый батальном мушкетер под командою подполковника Вреде, и отвел воду. Редут этот расположен на пологом и безлесном скате горы; близ его, с правой и левой сторон — глубокие лощины; с тылу, в версте от него, вершина горы, покрытая лесом. Вреде через два дня решился на вылазку; но, желая **[24]** выманить неприятеля из лощины на высоту, где действие артиллерии могло бы иметь полную силу, выпустил из редута несколько лошадей. Неприятель кинулся на отгон этой добычи, а Вреде в ту же минуту бросился на него с таким стремлением, что разбил и прогнал его. Ушурма понес здесь чувствительный урон и возвратился в Алды при ропоте народа. Тогда чеченцы в первый раз увидели, вопреки уверениям имама, что выстрелы русских пушек не совсем для них безопасны. Однако они вскоре успокоились, увидев, что предводитель их, отправляясь под Григориополис, дал возможность жителям Малой Кабарды, в числе 3500 семейств, спастись со всем их имуществом, и владелец малокабардинский Дол, преданный Ушурме, расположился в ущельях гор близ р. Сунжи, в соседстве ингуш.

По прошествии некоторого времени Ушурма напал на редут Каргин, лежащий в 5-ти верстах от Кизляра, к стороне Дагестана. Немогши овладеть укреплением, он зажег находившееся вблизи его строение; искры пожара зажгли пороховой погреб, взрыв которого истребил всю находившуюся в редуте воинскую команду. Этот успех примирил Ушурму с недовольными за григориополисское дело.

Ушурма замыслил вторичное покушение на Кизляр, имея в виду перебраться на левый берег Терека, к преданным ему ногайцам, кочевавшим около Кизляра в числе 2000 кибиток. Ополчение его, составленное из дагестанцев, кумыков, чеченцев и других, простиралось до 12000 человек.

В Кизляре узнали о походе Ушурмы заблаговременно и потому обнесли предместье крепости новым ретраншаментом и выставили для защиты его 2500 человек, из двух рот Астраханского и Кизлярского полков.

Казачьего войска и общины грузин и армян; батальон же гарнизона остался в крепости. Вне ретраншамента расположился полковник Луни¹⁹ с Томским пехотным полком в числе 720 человек.

Августа 19-го Ушурма переправился в брод через Терек, в 15 верстах ниже Кизляра, и, остановясь в 7 верстах от крепости, начал в следующий день опустошать сады и жечь строения; ночью приблизился было к предместью, но пушечными выстрелами был прогнан. 21 числа, в десятом часу утра, кинулся на Томский полк. Луни¹⁹ встретил его задним фасом каре, под прикрытием трех пушек, и, ведя с ним перестрелку четверть часа, отступил притворно. Неприятель устремился за ним, но был отражен. Тогда горцы залегли в лощинах и ямах. Луни¹⁹ снова сделал притворное отступление. Неприятель погнался за ним с чрезвычайным криком. Луни¹⁹ [25] остановился, принял их на штыки и обратил в бегство. На месте сражения найдено убитых до 500 человек; с нашей стороны убито 2, а ранено 8. Поражение было бы гораздо чувствительнее, если бы возможно было коннице преследовать неприятеля через рвы и сады, окружавшие Кизляр.

В продолжение действия под Кизляром, поднялись с кочевья аульные ногайцы и потянулись к лжепророку, но принуждены были вернуться назад, потому что все переправы по Старому Тереку были заняты отрядами русских, посланных полковником Савельевым.²⁰

По распоряжению Ушурмы горцы единовременно сделали нападение на все места, занятые войсками кавказского корпуса. Так, большекабардинцы напали, в августе месяце, на отряд генерал-майора Шемякина,²¹ стоявший в вершинах реки Малки у Бештовых гор, но были прогнаны с потерей 24 человека. В сентябре вторгались они неоднократно, большими толпами, на пограничную линию, производя грабежи, опустошения и убийства. В августе месяце вторгались закубанцы в Линию и покушались овладеть Прочноокопской крепостью. Дагестанцы, в числе 20000 человек, подущенные ахалцихским пашою и подкрепленные турками, производили опустошения в сентябре, октябре и ноябре, в Грузии и Имеретии; предводителями их были: Омар, хан аварский, Ади-солтан дженгутейский, кади акушинский и некоторые из ближайших сообщников Ушурмы. В Грузии находились в то время два егерских батальона, под командою полковника Бурнашова,²² который не раз истреблял селения дагестанцев, в том числе в Имеретии замок Вахан, а в Грузии серебряные Ахталынские заводы. Возмущение на Кавказе распространилось до такой степени, что прекратилось сообщение Грузии с пограничной Линией.

Поражение кизлярское поколебало было доверенность к Ушурме, но его самого не привело в уныние. Вину неудачных действий под Кизляром он свалил на своих сообщников, уличив кумыков в том, что они первые бежали с поля сражения, а за ними и все ополчение.

Ушурма снова приобрел расположение умов, воспаленных хищничеством, грабежом, мщением и восстанием. Многочисленные толпы опять стекались к своему лжепророку, который щедро осыпал их блестящими обещаниями. Большая Кабарда призывала к себе Ушурму, приняв его знамя с радостью и торжеством. Это увеличило могущество Мансура, дав ему возможность соединить свои войска с кабардинскими и кубанскими, так что он замыслил даже перейти на левый берег Малки, для опустошения Линии и Астрахани. Нетерпеливые из его поборников устремились с своими толпами, в сентябре и октябре, на Наур и Моздок, но были отражены. [26]

Владелец малокабардинский Дол неудачно покушался в октябре месяце овладеть редут²³ом у Владикавказа. Замечательно, что здесь вместе с русскими сражались против Дола 150 ингушей.²³ В то же время владелец Большой Кабарды требовал от командовавшего Линнею возвращения своих крестьян, поселившихся на Линии под нашим покровительством; но, получив отказ, разорил их селения.

Генерал-поручик Потемкин безуспешно пытался разъединить интересы крестьян и владельцев, равным образом увещевал в октябре, 16 дня 1785 г., владельца и главного мятежника Мисоста Бамажа прекратить волнение в Кабарде, обещая ему забвение всех его действий, а к старейшему из узденей — капитану Шабаз-

Гирею Куденетову писал, что как его верность не подлежит сомнению, то чтобы он постарался внушить в непокорных чувство раскаяния.

Эти запоздалые попытки не произвели никакого действия: Ушурма овладел умами кабардинцев и предпринял движение в Большую Кабарду в исходе октября. Потемкин расположил 6000 войска на реке Малке, напротив кабардинских селений; а потом половину этого отряда переправил через реку, грозя кабардинцам. Некоторые из владельцев явились в стан его, а другие поспешили к лжепророку для воспрепятствования последним соединиться с Ушурмою, и для обезопасения редута Григориополисского Потемкин послал в Малую Кабарду полковника Нагеля,²⁴ с тремя батальонами драгун и восемьюстами казаками. Нагель был еще в дороге, а уже большая часть сил неприятельских заняла лес и ущелье, обнимающие тыл селений Малой Кабарды. Увидя приближение Нагеля, кабардинцы зажгли все опустелые здания, покинутые жителями еще в июне месяце, расположились лагерем в долине, а на другой день, октября 30-го, устремились на Нагеля с разных сторон, но были отражены. Потом засели в развалинах жилищ и во рвах и покушались сбить наших с мест. Посланные Нагелем 4 гренадерские роты и 150 гребенских казаков сразились с ними и, по пятичасовом бою, прогнали их в лес и истребили многих.

Силы горцев не все были собраны; сам Ушурма приближался к Большой Кабарде и, узнав, что в тылу его Нагель, устремился с удивительной быстротою к бывшему месту сражения и отвел воду, вытекавшую из горы. На помощь к нему прибыли владельцы Большой Кабарды — Дола и двадцать четыре других. Все войско его простиралось до 25000 человек.

Второго ноября, в 7 часов утра, лжепророк занялся распоряжением к наступлению. Он противопоставил правому крылу нашему владельца Дола со всеми лучшими кабардинскими наездниками, а левому — пешую колонну горцев. Ту и другую часть расставил в [27] лощине, в месте безопасном от пушечных выстрелов; сам же, с кумыками, вознамерился зайти нашим войскам в тыл. Нагель первый вступил в бой и вытеснил их из закрытых мест. Неприятель силился занять прежнее положение и всюду был опрокинут. Ушурма поставил перед своею пехотою 50 щитов, наполненных внутри землей и катимых на колесах; за этими щитами укрывались его поборники, избегая пушечных ударов. Солдаты наши ударили в штыки, отбили щиты их и произвели жестокую сечу, продолжавшуюся шесть часов. Мужественность и решительность русских поразила неприятелей в конец: они стремглав ударились в бегство и рассеялись. Урон со стороны их был очень велик, с нашей — убито 19 и ранено 110. Отнятые у них знамена Потемкин приказал сжечь конюху, в виду собравшихся кабардинских владельцев.

Ушурма скрылся в жилище Дола, оттуда перебрался в Алды и был принят соотчиками без того энтузиазма, какой питали к нему прежде.

Последствием этой победы было то, что кабардинцы прислали с повинною к генералу Потемкину четырех владельцев, которые были препровождены к князю для испрошения пощады.

Генерал-поручик Потемкин желал было не упуская времени продолжать свои успешные действия; но наступившая жестокая зима воспрепятствовала ему. Только в январе 1786 г. были сделаны новые приготовления для похода в чеченские деревни. Жители селения Атаги, состоявшего из 500 дворов, присягнули на верность России и предали проклятию виновника бедствий, Ушурму, который в то время находился в чеченском селении Шали.

Несмотря на стесненное положение Ушурмы, он не унывал и не отставал от своих предприятий: опять поднял народ к войне, не сомневаясь найти содействие между кабардинцами; разглашал, что к нему идет от турок десяти тысячная армия с артиллерией и большой денежной казной и что придут еще дополнительные силы от Турции и новой союзницы — Персии. Однако доверенность к нему начинала охладевать: приверженцы имама соглашались присоединиться к нему только тогда, когда увидят обещанную помощь. При Ушурме

оставалось не более 200 человек, которых он употреблял для взыскания пени с несоблюдавших правил Корана.

В исходе июля 1786 г. полковник Нагель был послан с отрядом для истребления на Сунже жилища кабардинского владельца Дола и для подавления в этой стране влияния лжепророка. К Нагелю присоединилось до 600 ингушей. Карабулаки, объятые страхом, принесли повинную. Чеченские деревни по левому берегу Сунжи просили пощады и получили ее. Дол, боясь наказания, скрылся; но [28] когда уверили его в прощении, он возвратился на прежние жилища, с подвластными ему в Малую Кабарду, присягнул в верности, дал заложников и сам лично явился к Потемкину с своими узденями. Во время этих действий Нагеля Ушурма подъезжал с небольшой шайкой к ущелиям чеченским, увещевал народ не переходить на сторону русских, но те были непреклонны.

В сентябре кумыки прислали к Потемкину владельцев своих, прося о прощении; а в декабре сам Потемкин был за Тереком, для усмирения волновавшихся на правом берегу Сунжи и имел с чеченцами стычки. Вскоре непокорные принесли повинную, дали заложников, присягнули на верность и клялись не пускать к себе лжепророка.

Ушурма, видя себя совершенно оставленным и не ожидая веры ни обещаниям своим будущих успехов, ни пророчествам, прислал шурина своего — Этту — к генералу Потемкину, для испрошения прощения во всех его возмущениях, с уверением, что он оставит навсегда свои предприятия и племена горские обратит к повиновению России. Потемкин отвечал ему через кабардинского узденя, чтобы он сам явился к нему. Ушурма объявил, что, предавая себя во всем воле Потемкина, не может прибыть к нему. Между тем было получено известие о рассеиваемом Ушурмою слухе, будто бы Потемкин желает вступить с ним в переписку и что кабардинцы призывают его. Ушурма распускал эти слухи для избежания мщения обманутых соотчичей. Князь Потемкин потребовал к себе Этту для объяснения и вскоре отпустил его к чеченцам; генералу же Потемкину предписал: дать знать Ушурме, что прибегающие с повинною не лишаются милости монаршей, лишь бы раскаяние было чистосердечно.

Неизвестно, что Ушурма на это отвечал. Кажется, он близок был к совершенной покорности, но объявленная турками война России (в 1787 г.) открыла ему новое поле деятельности и пробудила в нем прежнее честолюбие. Он, не полагаясь более на племена, обитавшие за Тереком, вознамерился подвизаться за Кубанью с турецкой стороны; потому, в июле месяце, прокрался за Кубань с малым числом чеченцев и вскоре получил от ногайских народов присягу в повиновении; отсюда приглашал к себе прежних последователей, которые, однако, не послушались, а кумыки, в гнев за причиненные им бедствия, разорвали его мятежническое письмо. Между тем Ушурма отправил к Порте предложение, через Умара, или Омара-хаджи, о готовности его помогать Турции, которая с радостью приняла это предложение и возложила на него обязанность соединить горские народы. Если верить преданию, то султан [29] спрашивал у муфтия: допускает ли Коран появление имама? — Хотя ответ был отрицательный, но султан дозволил, чтобы Ушурма действовал за Кубанью как имам, для возмущения народов против России; прислал ему в подарок часы и курительную трубку.

Для открытия военных действий в землях Оттоманской Порты генерал Потемкин переправил за Кубань, 6 сентября, войско в четырех отрядах; двукратно поразил 8000-е скопище Ушурмы и прогнал остатки в снежные горы, к вершинам рек Зеленчуг и Уруп. Тогда было сожжено жилище Ушурмы, у мансуровцев. Невзирая на неуспехи лжепророка, кубанцы вторглись в пределы Кавказской линии, почему генерал-аншеф Текеллий ²⁵ переправился с казаками кавказскими и кубанскими, 13 октября, за Кубань и разбил неприятеля в тамошних ущелиях; Ушурма едва спасся и пеший прибыл, через снежный хребет гор, в турецкую крепость Сухум, с малой частью мансуровцев. Кроме множества убитых были взяты Текеллием в плен 3480 человек и поселены на линии Кавказской. В этом сражении тяжело ранен брат Омара-хаджи, первого советника Ушурмы.

Текеллий после этого сражения взял направление к крепостям Суджук и Анапа, с целью отвлечь турецкие силы от Очакова. Анапа начала готовиться к обороне: в ней нашел убежище Ушурма.

В 1789 г. ничего не было слышно об Ушурме; но в январе 1790 г. дан ему фирман через анапского пашу, которым повелено склонить всех горцев к соединению с турками и приготовиться будущей весной к походу против русских.

Кубанцы сделали вторжение на наш берег Кубани, что было поводом командовавшему тогда Кавказской линией генерал-поручику Бибикову²⁶ предпринять поход в глубокую зиму, известную своим холодом и голодом; но русские солдаты мужественно преодолевали естественные и искусственные преграды: разбивали и рассеивали войска мятежников.

В июле Ушурма письменно сносился с сераскиром и трехбунчужным пашою Баталем о нападении на Кавказскую линию; паша явился в наших пределах, но был разбит и взят в плен генерал-майором Германом.²⁷

В начале 1791 г. Ушурма писал к кабардинцам и дагестанцам, побуждая их к общему вооружению против русских. Одним письмом склонял кабардинцев выполнить требование анапского паши, присылкою в Анапу четырех владельцев и двадцати четырех узденей, в залог их верности Порте, и прислать поверенных за приемом денег, назначенных в награду за их преданность. В другом письме писал к ним: «Изъявляю вам искреннее мое уважение, советую вам очистить сердца ваши от пороков и ходить путем истины [30] по закону Божию. Старайтесь ополчаться на беззаконных и мужественно наносите им вред. Я знаю достоверно, что война наша страшит всех русских. Я собираю новые силы, ожидаю сюда прибытия полчищ правоверных и, соединясь с ними, предприиму наступление на русских. Не бойтесь угроз их. Настало время изнеможения беззаконных и время торжества мусульман».

Воззвания его не произвели желанных последствий для Порты, потому что генерал-аншеф граф Гудович²⁸ уничтожил в скором времени замыслы его и Порты, походом на Анапу, в мае 1791 г.

Кроме десятитысячного турецкого гарнизона Ушурма привел в Анапу 15000 ногайцев и черкесов, и сверх того 8000 кубанцев, ставших лагерем в соседних горах. К Ушурме питали уважение как к истинному имаму до такой степени глубокое, что несмотря на желание паши сдать крепость графу Гудовичу, который предоставлял гарнизону и жителям свободный выход куда пожелают, все воспротивились паше и воспылали фанатическим духом от увещаний и пророчеств Мансура, сулившего блаженство в этой и будущей жизни. Главнокомандующий решился взять Анапу штурмом:

22 июня начались приступы; русские войска были четыре раза отражены, но за пятым разом, овладев главными батареями, ворвались в крепость. Несмотря на то, что не оставалось ни малейшей надежды к спасению, Ушурма, и по занятии города, долго еще защищался в погребе, но наконец сдался и был представлен графу Гудовичу.²⁹ При покорении крепости взяты в плен: трехбунчужный паша Мустафа, сын Батал-паши и 13500 душ обоего пола.

Ушурма, в числе других знатных пленников, был отправлен в Санкт-Петербург. Его привезли 6 июля 1791 г. в Царское Село, где в то время имела пребывание императрица Екатерина Великая, желая видеть Ушурму, приказала водить его после обеда близ дворцовой колоннады.

Впоследствии Ушурма был сослан на житье в Соловецкий монастырь, на 31 -м году жизни, где через несколько лет умер. Память о нем долго сохранялась в горах Кавказских, и многие из его соплеменников думали, что он поселился в России в пожалованных ему от императора Павла деревнях.

Комментарии

1. Алды на речке Гое, впадающей в р. Сунжу с правой ее стороны, отстоит от станции Червонной в 20 или 21 версту. В газете «Кавказ» 1817 г., № 15, в статье Ханыкова «О мюридах и мюридизме» сказано, что шейх Мансур был уроженец оренбургских степей и заимствовал свои знания и фанатизм от бухарских выходцев, если только сам не воспитывался в Бухаре. Все это ошибочно: он природный чеченец и не имел никакой связи с бухарцами. В «Современнике» за 1819г., № IX, сентябрь, также сказано неосновательно, будто бы Мансур был уроженец оренбургский и учился в Бухаре. В первой книжке «Пантеона» за 1852 г. помещен роман г. Савинова «Ших-Мансур», который представлен действующим первоначально в степях киргизских, а потом в нагорной Чечне.

Название *Чечень* дано татарами, что значит рассеянные, а Чечень сам себя назвал *Нохчои*; кумыки именуют их *Тизгис*.

2. Имамами у магометан называются первые основатели четырех главных толков или сект исламизма. В учении их сказано: «Кто не верит, что власть имама непосредственно происходит от Бога, тот нечестивец, кто не повинуется ему, тот мятежник».

3. Именем хаджи пользуется всякий магометанин, бывавший в Мекке на поклонении у гроба Магомета; их чтут за праведников.

4. На Кавказе бывают частые землетрясения, которые заранее предусматриваются по особым приметам старожилов.

5. Эффенди собственно значит господин, но татары придают ему смысл ученого, духовного и судьи.

6. Зограт арабы фи адиат алиссабэ содержит молитвы на каждую неделю. Утверждают, что в ней или в другой подобной книге есть предвещание, что в горах кавказских явится некогда Мансур имам.

7. Соседи чеченцев с юга и запада.

8. Она называется Красной поляною и расположена между реками Чалхою и Аргуню.

9. Белая лошадь в горах Кавказских в большом уважении и есть предзнаменование успехов и счастья.

10. Гог и Магог. Под этими именами называются еще остатки каменных стен, идущих от Дербента по ущельям Кавказских гор к Черному морю. Стена, по преданию восточных писателей, основана Искендером, или Александром Македонским, а по словам других — Дулкарнеином, еще древнее Александра. Персидский царь Нуширван Хозрой приказал исправить и продолжить ее (в 521 г.). Есть еще татарское предание, что стена эта слита из разных металлов: что люди, при ней обитающие, Аджиг и Маджиг, имеют рыло собачье и всеми силами стараются открыть через нее проход, с помощью лизания, но безуспешно. Однако перед кончиной мира пролижут ее и наделают много зла в мире.

11. Павел Сергеевич.

12. Михаил Николаевич.

13. Александр Александрович.

14. Юрий Юрьевич.

15. Степан Степанович.

16. Впоследствии тайный советник (Василий Васильевич). Он добровольно вызвался в этот поход, возвратившись из Персии, куда был посылаем князем Потемкиным к хану испаганскому Али-Мурату.

17. Из числа спасшихся был унтер-офицер князь Петр Иванович Багратион, бывший ординарцем при Пиери, и об этом событии и о своем спасении он сам рассказывал П. Г. Буткову. Князь Багратион был впоследствии генералом от инфантерии и умер от ран, полученных на Бородинском сражении.

18. Отстоит от Моздока в 42 верстах и почти на половине пути от Владикавказа; между Моздоком и Владикавказом расположены редуты: Григориополисский, Потемкинский и Крыбилейский, основанные в 1784 г., для безопасного сообщения с Грузией.

19. Иван Михайлович.

20. Иван Дмитриевич: впоследствии генерал от кавалерии.

21. Николай Степанович.

22. Степан Данилович, впоследствии действительный тайный советник.

23. Старшина ингушев, Чома, был награжден сотнею червонцев, а брат его пятьюдесятью и сукном на платье по 5 аршин, а каждому бывшему с ними в сражении ингушу по 4 аршина сукна на платье.

24. Ларион Тимофеевич.

25. Петр Аврамович.

26. Юрий Богданович.

27. Иван Иванович.

28 Иван Васильевич.

29. Бантыш-Каменский в «Словаре достопамятных людей Русской земли», ч. 1, ст. 301 (С.-Петербург, 1847 г.), пишет ошибочно, что в числе пленных, взятых в Бабадаге Михаилом Ларионовичем Кутузовым 4 июня 1791 г., находился славный турецкий предвешатель Мензур.
